

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 5 (128). С. 179–190.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 5 (128), pp. 179–190.

Научная статья

УДК 81'271.16; 81'42

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-14>

<https://elibrary.ru/xekoaq>

К изучению новгородской берестяной грамоты № 9

Виктор Сергеевич Савельев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

alfertinbox@mail.ru; SPIN-код: 2780-5227; IстинаResearcherID (IRID): 4440976

Аннотация. Статья посвящена анализу новгородской берестяной грамоты № 9 как текста, структурные особенности которого объясняются тем, что он содержит информацию, в канонической ситуации общения передаваемую устно. Установлено, что при создании грамоты использовались языковые средства, как свойственные устной речи (преобладание паратаксиста, эллипсис, особенности порядка слов и дистрибуции дублетных форм местоимений и т. д.), так и необходимые для замещения средств коммуникации, уместных исключительно в диалоге (невербальные способы передачи информации компенсируются введением в грамоту этикетной части, в которой называются адресант и адресат).

Ключевые слова: новгородская берестяная грамота № 9, Гостиата, устная и письменная коммуникация, речь

Для цитирования: Савельев В. С. К изучению новгородской берестяной грамоты № 9 // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 5 (128). С. 179–190. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-14>; EDN: ХЕКОАQ

To the study of Novgorod birchbark document No. 9

Victor S. Savelyev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

alfertinbox@mail.ru, SPIN-код: 2780-5227; IстинаResearcherID (IRID): 4440976

Abstract. The article focuses on the analysis of Novgorod birchbark document No. 9 as a text, the structural features of which are explained by the fact that it contains information transmitted orally in the canonical situation of communication. It is established that when creating a letter, language means were used both characteristic of oral speech (predominance of parataxis, ellipsis, features of word order and distribution of doublet forms of pronouns, etc.), and the necessary ones for replacing communication means that are relevant exclusively in dialogue (non-verbal means of transmitting information are compensated by the introduction of an etiquette part into the letter, in which the addresser and addressee are named).

Keywords: Novgorod birchbark document No. 9, oral and written communication

For citation: Savelyev V. S. To the study of Novgorod birchbark document No. 9. *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 5 (128), pp. 179–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-5-128-14>; EDN: ХЕКОАQ

Введение

Новгородская берестяная грамота № 9 является одним из древнерусских текстов XII в., подробнейшим образом изученных и в то же время не потерявших актуальности для исследователей. Отличающаяся «наилучшей сохранностью и наибольшей чёткостью»¹ среди всех грамот, найденных во время раскопок в Новгороде летом 1951 г., грамота № 9 стала объектом научных дискуссий, охвативших целый ряд вопросов. В работах А. В. Арциховского², В. И. Борковского³, Ф. Ф. Кузьмина⁴, Р. О. Якобсона⁵, М. Н. Тихомирова⁶, В. К. Чичагова⁷, Л. А. Булаховского⁸, Н. А. Мещерского⁹, Л. П. Жуковской¹⁰, опубликованных в 1950–60-е гг., были высказаны основные гипотезы относительно времени создания грамоты, установления авторства, разбивки текста на слова, определения значений некоторых грамматических форм и перевода документа в целом. В результате к настоящему времени сложилось общее представление о том, что грамота № 9, согласно стратиграфическому датированию, создана в «сер. 30-х – сер. 70-х гг. [предпочт. не ранее 60-х] XII в.»¹¹ от лица женщины по имени Гостята и содержит текст, который может быть разбит на слова и переведен следующим образом: + ѡ̄ гостаты къ васильви ѡже ми отьць даалъ и роди съдаали а то за нимъ а нынѣ вода новоую женоу а мнѣ не въдасть ничто же избивъ роуки поустиль же ма а иноую полль доеди добръ сътвори ‘От Гостяты к

¹ Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 83.

² Там же. С. 77–87.

³ Борковский В. И. Драгоценные памятники древнерусской письменности // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 131–136.

⁴ Кузьмин Ф. Ф. Новгородская берестяная грамота № 9 // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 137–140.

⁵ Jakobson R. Vestiges of the earliest Russian vernacular // Word. 1952. Vol. 8, № 4. Pp. 350–355.

⁶ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. 68 с.

⁷ Чичагов В. К. Филологические заметки (К выходу в свет первого научного издания новгородских грамот на бересте) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 77–92.

⁸ Булаховский Л. А. [Рецензия] // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1956. Т. XV. Вып. 1. С. 76–81.

⁹ Мещерский Н. А. Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка (1958) // Мещерский Н. А. Избранные статьи. Санкт-Петербург: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995. С. 88–107; Мещерский Н. А. К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот (1962) // Мещерский Н. А. Избранные статьи. Санкт-Петербург: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995. С. 108–147.

¹⁰ Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1959. С. 126.

¹¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 300.

Василко. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женись на новой жене, мне он не дает ничего. Ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость¹. Дискуссионным для ряда исследователей остается вопрос о том, действительно ли синтагма **доеди добръ сътворѧ** включает этикетное клише; в частности, предлагается буквальное толкование этой конструкции «Приезжай, чтобы вернуть добро»² и «Приезжай, дабы поступить как нужно»³.

Примечательно, что, начиная с самых первых описаний грамоты, исследователи отмечают язык автора, отражающий грамотность, начитанность, книжность ее автора («Лицо, писавшее грамоту, прошло хорошую школу письма»⁴; «Отправитель письма, кем бы мы его ни считали, мужчиной или женщиной, несомненно, был очень хорошо грамотным и вполне владел орфографией и литературным языком своего времени»⁵; «Текст берестяной грамоты № 9 свидетельствует о высокой книжной, а в данном случае письменной, правовой культуре Гостяты»⁶; «Она написана почти безукоризненно с орфографической и каллиграфической точки зрения. <...> Всё это наводит на мысль о том, что грамота № 9 написана не самой Гостятой, а профессиональным писцом, причем скорее всего неновгородским (или, по крайней мере, превосходно владевшим нормами стандартного древнерусского языка)»⁷; «Грамота написана начитанным профессиональным писцом, обслуживающим письменные и делопроизводственные нужды населения»⁸), но в то же время он отражает влияние живой разговорной речи («Здесь мы имеем возможность познакомиться с разговорной речью XI века»⁹, «В приведенном предложении (*а то за нимъ. – В. С.*) останавливает внимание конструкция главного предложения, формальная неполнота состава которого (отсутствует сказуемое – вспомогательный глагол) объясняется влиянием разговорной речи»¹⁰, «Письмо Гостяты – первый образец частного пись-

¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 300.

² Пиотровская Е. К. Еще одно прочтение новгородской берестяной грамоты № 9 // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. XVI. С. 95.

³ Поппэ А. В. О брачном контракте на Руси (на основании грамоты на бересте № 9) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Москва: Индрик, 2003. С. 42.

⁴ Борковский В. И. Драгоценные памятники древнерусской письменности // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 133.

⁵ Мещерский Н. А. Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка (1958) // Мещерский Н. А. Избранные статьи. Санкт-Петербург: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995. С. 97.

⁶ Пиотровская Е. К. Еще одно прочтение новгородской берестяной грамоты № 9 // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. XVI. С. 97.

⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Москва: Языки русской культуры, 1995. С. 313, 314.

⁸ Поппэ А. В. О брачном контракте на Руси (на основании грамоты на бересте № 9) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Москва: Индрик, 2003. С. 41.

⁹ Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 84.

¹⁰ Борковский В. И. Драгоценные памятники древнерусской письменности // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 136.

ма древнейшей поры. В сжатой форме простой разговорной речи оно рассказало нам об одном из бытовых фактов далекого прошлого¹). Вторая характеристика отражает общее представление исследователей о том, что именно язык берестяных грамот наиболее близок устной речи носителей древнерусского языка («Живая повседневная древнерусская речь представлена в берестяных грамотах гораздо точнее, нежели в каких-либо других видах древнерусской письменности»², «Новгородские берестяные грамоты не отражают непосредственно языка древних новгородцев», но «более, чем какие-либо другие памятники, бывшие до сих пор в распоряжении лингвистов, приближаются к живой речи»³, «Безусловное большинство берестяных грамот – это частные письма. <...> В целом они стоят ближе к живой древнерусской речи, чем любые другие ныне известные письменные источники»⁴, «С точки зрения близости к живой диалектной речи письма на бересте образуют такой класс источников, который с XI–XIV вв. практически отсутствовал»⁵).

Возможность такого сочетания обусловлена тем, что информация, содержащаяся в грамотах, имела преимущественно бытовой характер и в канонической ситуации общения (коммуниканты находятся в одно и то же время в одном и том же месте) скорее всего передавалась бы средствами устной речи. В связи с этим структурные особенности таких текстов отражают стремление их создателей использовать такие языковые средства, использование которых свойственно именно устной коммуникации. Попытаемся установить хотя бы некоторые из них, обратившись к тексту грамоты № 9.

Основная часть

Соотношение устной и письменной форм естественного языка достаточно хорошо иллюстрируется древнерусскими текстами, выглядящими непривычно для современного носителя русского языка: графическая передача речи в древнем тексте вообще и в новгородской грамоте № 9 в частности во многом напоминает фиксацию звукового потока устной речи. Действительно, читающий текст древнерусский коммуникант должен сегментировать представленный ему ряд написанных без пробелов букв одной высоты на морфемы и слова подобно тому, как это делает коммуникант, сегментирующий звуковой поток при восприятии устной речи. Древнерусский читатель должен идти от знака к знаку, а потому его восприятие текста является линейным в той же мере, что и восприятие устной речи.

¹ Кузьмин Ф. Ф. Новгородская берестяная грамота № 9 // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 140.

² Чичагов В. К. Филологические заметки (К выходу в свет первого научного издания новгородских грамот на бересте) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 77.

³ Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1959. С. 16.

⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Москва: Языки русской культуры, 1995. С. 18.

⁵ Горбунова Е. Т. Языковые средства выражения авторской модальности в древненовгородских письмах на бересте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тольятти: [б. и.], 2012. С. 11.

Эта особенность объясняет ряд характеристик, свойственных когезии подобного текста. В частности, преобладание в грамотах паратаксиста над гипотаксистом, на наш взгляд, обуславливается тем, что читатель устанавливает логические отношения между контактно расположенными единицами так же, как это делает коммуникант, воспринимающий устную речь. Близостью устной речи объясняется и использование в начале синтагм непроемных союзов, служащих маркерами, указывающими границы между клаузами и позволяющими осуществить сегментацию текста. При этом в разных частях грамоты используются различные средства связи, что обусловлено тем, какая именно информация передается коммуникантом.

Как отмечает А. А. Зализняк, «текст берестяного письма можно разделить (с некоторой долей условности) на две основные части: этикетную и содержательную. Эти две части могут вклиниваться друг в друга, т. е. в линейной последовательности текста этикетные и содержательные элементы могут чередоваться. В *этикетную часть* письма входят: 1) адресная формула (например, *отъ X-а къ Y-у, поклонъ отъ X-а къ Y-у, Y-у челомъ бьеть X*). В *содержательную часть* письма входит собственно сообщение»¹.

Адресная формула грамоты № 9 во многом аналогична формуляру современного письма или открытки: имеется в виду начальная часть текста, в которой упоминается его автор и адресат – **Ѡ гостаты къ васильви**. Наличие указанного элемента само по себе примечательно. В канонической ситуации общения, разговаривая со знакомым ему адресатом, коммуникант не называет себя или собеседника, поскольку это и так очевидно. В условиях же дистантной письменной коммуникации данная информация должна быть передана вербально, а потому в начальной части древней грамоты, на современном конверте или открытке указываются адресант и адресат. В связи с этим оценка адресной формулы как «номинативного назывного предложения с опущенным именем существительным *грамота*, благодаря чему потерян самый характерный признак номинативного предложения – наличие имени существительного в им. п.»², представляется неточной: упоминание *грамоты* необязательно, поскольку в данном случае актуальной является идентификация коммуникантов, в связи с чем именно эти части формуляра невозможно опустить. Таким образом, адресная формула не может служить предикативной единицей, описывающей ситуацию внеязыковой действительности. Автор использует свободные синтаксические формы (способные к автономному употреблению), а их сочетание образует то, что Г. А. Золотова называет «агглютинативным комплексом», например, заголовки статей типа *Всей семьей на лыжне, Под водой без акваланга* и т. д.³

Первым знаком, используемым в грамоте № 9, является изображение креста. Исследователи по-разному трактуют значение этого символа в данном тексте: первоначальное предположение о том, что крест замещает слово *поклонъ* («В грамоте стоит

¹ Зализняк А. А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. Москва: Наука, 1987. С. 148, 149.

² Борковский В. И. Драгоценные памятники древнерусской письменности // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 135.

³ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Москва: Наука, 1973. С. 71.

знак креста (+). В. Курашкевич предложил рассматривать этот знак как своеобразную идеограмму слова “поклон”¹), на сегодняшний день сменило следующее представление: как и в книжных текстах, крест служит инвокацией («Знак креста – это символическая инвокация, призывание имени Божия для вспоможения предпринимаемого действия – составная часть актового формуляра. Знак креста заменял словесную инвокацию, которая на Руси по византийскому обряду известна широко в ее тринитарной формуле: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа”»²) или может подразумевать осенение себя крестом («По нашему мнению, крест перед началом грамоты следует сопоставлять с осенением себя крестным знаменем перед началом какого-либо серьезного дела (ср. также сходную функцию формулы “Господи, благослови”); тем самым крест выступает как своего рода “знак серьезности” начинаемого им текста»³) – обе интерпретации предполагают, что в письменной речи воспроизводится символ, изображающий невербальное действие коммуниканта, сопровождающее его устную речь.

Создание любого речевого произведения – как устного, так и письменного – подразумевает следование принципу экономии речевых усилий. Как известно, в каждом из видов речевой деятельности этот принцип реализуется по-разному. Так, в письменных речевых произведениях намного чаще, чем в устных, используются непредикативные способы выражения пропозиций, например, конструкции с неизосемичными отглагольными и отадъективными существительными. В устной коммуникации в большей степени востребован эллипсис. Именно такое положение дел обнаруживается в грамоте: **юже ми отьць даалъ и роди съдаали** – во второй клаузе адресат не указан, поскольку он упоминается в первой; **а то за нимь** – отсутствует сказуемое, значение клаузы выводится на основании анализа свободных синтаксических форм **то** и **за нимь**; **не въдасть, поустиль, поаль** – не указывается субъект, так как он был назван ранее формой **за нимь**. Можно также предположить, что отсутствие форм вспомогательного глагола **быти** в перфектах **даалъ, съдаали, поустиль, поустиль** типологически связано с тем, что субъекты данных действий названы словами **отьць, роди** и **за нимь**.

Особо следует сказать о реляторах **отьць, роди** и глаголе **доѣхати**. Чей отец и родственники имеются в виду? Об этом не говорится, но автор грамоты вполне может обойтись без пояснений, поскольку упоминание субъекта в этом случае однозначно указывает на говорящего, отражая одну из главных характеристик (древне)русского языка – его эгоцентричность.

Иначе обстоит дело со словом **доѣхати**. Гостяты не указывает, куда и зачем должен приехать Василь. О том, зачем он должен приехать, можно догадаться, оценив содержание грамоты Гостяты. Также можно предположить, что ему следует прибыть в место, где находится Гостяты, однако для правильного понимания грамоты этой

¹ Пиотровская Е. К. Еще одно прочтение новгородской берестяной грамоты № 9 // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Т. XVI. С. 95.

² Поппэ А. В. О брачном контракте на Руси (на основании грамоты на бересте № 9) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Москва: Индрик, 2003. С. 40.

³ Зализняк А. А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. Москва: Наука, 1987. С. 151.

информации недостаточно: отсутствие упоминания места возможно, только если адресат обладает той же прагматической пресуппозицией, что и автор текста, и очевидно, что Василь этим знанием, в отличие от современных читателей грамоты, обладал.

Учет прагматических пресуппозиций адресата безусловно важен при создании любого речевого произведения, но особенно он значим для устной межличностной коммуникации, и, как показывает анализ грамот А. А. Гиппиуса, им свойственна характеристика, общая для «частного письма как письменного жанра»: «ориентация на конкретного адресата, разделяющего с автором письма некоторый фонд общих знаний об окружающей действительности, которым не обладают "посторонние"»¹. Как мы видим, оценка когнитивной базы Василя со стороны Гостяты позволила ей не вербализовать обязательную семантическую валентность.

Заметим также, что учет прагматических пресуппозиций адресата в принципе расширяет возможности коммуниканта при выборе той или иной номинации. Кто такой **онь**, упоминаемый Гостятой? Можно с уверенностью предположить, что это ее муж. Но, в отличие от Василя, современные читатели грамоты не знают, как его зовут. Использование слова **онь** мотивировано знаниями Василя; при общении с несведомленным собеседником слово **онь** вряд ли можно было бы употребить.

Наличие множества общих прагматических пресуппозиций у участников устной коммуникации связано с тем, что их общение носит, как правило, личный характер². Неудивительно, что субъектная перспектива устного диалога существенно отличается от нарративного текста тем, что в ней преобладают субъекты 1 и 2 лица. Как мы видим, в содержательной части грамоты рассказывается о событиях, затрагивающих интересы участников коммуникации, а потому используются лексические и грамматические средства выражения 1 и 2 лица (**ми**, **мьнѣ**, **ма**, **доседи**). Характерно, что в этикетной части грамоты при именовании тех же субъектов эти средства использованы быть не могут: если бы грамота начиналась словами *от меня к тебе*, то такой агглютинативный комплекс был бы функционально бесполезен³. Таким образом, в данном случае обнаруживается явление, свойственное многим текстам, субъектами которых являются коммуниканты: двойное именование субъекта при помощи слов в

¹ Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Москва: Русские словари, 2004. С. 184.

² «Практической целенаправленностью берестяных писем объясняется также то, что почти весь текст любого письма посвящен действиям автора и/или адресата (или непосредственно затрагивающим их событиям)» (Зализняк А. А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. Москва: Наука, 1987. С. 180).

³ Интересно, что известны случаи, когда данный принцип нарушается. Так, в этикетной части вологодской берестяной грамоты № 1 (см. Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая берестяная грамота из Вологды // Российская археология. 2018. № 1. С. 167) для именовании адресата используется дейктик **ты**: **Гяково к тобѣ, к тобѣ ся Онанико тьсть** 'Яков [обращается] к тебе, к тебе [обращается и] тьсть Онаник'. Однако после адресной формулы обнаруживается обращение к адресату – **Брать Остафе, послать с тобою емь рубле** 'Брат Остаф! Я послал с тобой рубль'. Таким образом, двойное именование адресата при помощи номинативного и дейктического средства реализуется и в этом случае.

номинативной и дейктической функциях, встречающееся, например, в различных жанрах канцелярско-делового подстиля (*Я, Иванов Иван Иванович, обязуюсь <...> и т. п.*).

Говоря о дейктиках, нельзя не обратить внимание на использование в грамоте № 9 дублетных форм дательного падежа **ми** и **мьнѣ**. Энклитика **ми** обнаруживается в синтагме **ѣже ми отьць дааль**, в которой актуализация данного компонента не является коммуникативной целью говорящего. Что касается использования **мьнѣ**, то данная форма входит в первую тактовую группу высказывания **а мьнѣ не вьдасть ничьто же** – высказывания, которое соотносится с предшествующим **а нынѣ вода новоую женоу**. Использование формы **мьнѣ** обусловлено коммуникативными причинами: она входит в состав темы **а мьнѣ**, противопоставленной предшествующей реме **вода новоую женоу** и соотносимой с ремой **не вьдасть ничьто же**, которая начинается одним из главных сегментных маркеров – частицей-проклитикой **не**¹. Таким образом, употребление **ми** и **мьнѣ** в грамоте № 9 отражает общую тенденцию: выбор одной из дублетных форм личных дейктиков мотивируется тем, способна ли она образовать коммуникативную составляющую или нет, будучи полноударной формой или энклитикой, что указывает на устную природу этой оппозиции².

Попутно отметим, что особенности словоупотребления в грамоте связаны с актуальным членением. Так, препозитивное по отношению к глаголам употребление дополнений **мьнѣ** и **иноую** объясняется тем, что эти дополнения образуют темы высказываний, в то время как глаголы образуют их ремы. В то же время дополнения **женоу**, **ничьто** и **ма** входят в состав рем вместе с управляющими ими глаголами и находятся в постпозиции по отношению к ним.

Как было сказано выше, линейность как порождения, так и восприятия устной речи определяет ряд ее характерных черт. Одной из них является то, что говорящий коммуникант достаточно часто повторяет сказанное ранее, при этом такой повтор не оценивается как недостаток речевого произведения, в отличие от подобного повтора в письменной речи. Писала ли эту грамоту Гостяга самостоятельно или надиктовывала ее, так или иначе поток информации в данном тексте обнаруживает случаи повторов. Два раза сообщается, что ее приданое осталось у мужа (**ѣже ми отьць дааль и роди съдаали а то за нимь и а мьнѣ не вьдасть ничьто же**) и что муж привел в дом новую жену (**а нынѣ вода новоую женоу и а иноую поаль**). Подобный информационный повтор свойствен спонтанной устной речи, когда взволнованный говорящий ищет живой реакции собеседника, воздействуя на него в числе прочего за счет повторения наиболее значимых частей своего сообщения.

Заканчивается грамота словосочетанием **добрѣ сътворѣ**, которое большинство исследователей оценивают как этикетное клише, которое «очевидно, равнозначно современному <...> *будь добр*»³. Зачем автору необходимо было использовать эти

¹ См. Савельев В. С. Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»: дис. ... д-ра филол. наук. Москва: [б. и.], 2021. С. 418–426.

² См. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. Москва: Языки славянских культур, 2008. С. 129, 130.

³ Кузьмин Ф. Ф. Новгородская берестяная грамота № 9 // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 139, 140.

слова? Очевидно, что употребление подобных этикетных формул тесно связано с фактором адресата, особенно в тех случаях, когда речь идет о волеизъявлении. Формула вежливости представляет собой средство воздействия, уточняющее модальность долженствования: апелляция к чувствам адресата в этом случае призвана побудить его к совершению требуемого действия. Таким образом, грамота Гостыты представляет собой своеобразную «реплику» в диалоге, затрагивающем интересы непосредственно двух коммуникантов, и, как правило, обсуждение подобных тем имеет устную форму, предполагающую регулирование межличностных отношений с помощью клишированных словесных формул.

Выводы

Вынужденный использовать письменную форму коммуникации вместо устной, автор грамоты № 9, с одной стороны, должен произвести своеобразную ревизию средств, используемых им в устной речи, чтобы каким-то образом компенсировать невозможность их употребления в коммуникации письменной. Именно с этим связано появление в грамоте этикетной части, передающей ту информацию, которая при устном общении устанавливается адресатом на основе анализа констатирующей. С другой стороны, автор грамоты № 9 сохраняет средства устной речи, уместные в тексте данной жанровой принадлежности (преобладание паратаксиса над гипотаксисом; использование производных союзов в качестве средства сегментации речевого потока; эллипсис как основное средство экономии речевых усилий; порядок слов, свойственный устной речи, в которой его варьирование связано с актуальным членением высказывания; дистрибуция дублетных форм личных местоимений 1 лица, позволяющая произвести коммуникативную сегментацию высказывания; использование дейктиков 1 и 2 лица, устанавливающее то, что коммуниканты являются субъектами пропозиций текста). В итоге создаваемый текст существенно отличается от текста нарративного, изначально создаваемого не как средство, компенсирующее невозможность передать информацию в устной форме, а как основное средство реализации когнитивной функции языка. В частности, будучи ориентированным на конкретного адресата, обладающего теми же прагматическими пресуппозициями, что и автор, текст грамоты не только не содержит подробного описания событий (например, имя *новой жены* можно не упоминать, поскольку это несущественно для оценки ситуации), но и допускает применение средств, понятных только адресату (использование анафорического местоимения *онъ* для именованья мужа).

Список литературы / References

Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде. *Вопросы истории*, 1951, № 12, с. 77–87.
Artsikhovskii A. V. New discoveries in Novgorod. *Questions of History*, 1951, no. 12, pp. 77–87. (In Russ.)

Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.)*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1953. 68 с.

Artsikhovskii A. V., Tikhomirov M. N. *Novgorod letters on birchbark (from excavations in 1951)*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. 68 p. (In Russ.)

Борковский В. И. Драгоценные памятники древнерусской письменности. *Вопросы языкознания*, 1952, № 30, с. 131–136.

Borkovskii V. I. Precious monuments of ancient Russian writing. *Topics in the study of language*, 1952, no. 3, pp. 131–136. (In Russ.)

Булаховский Л. А. Рецензия. *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*, 1956, т. XV, вып. 1, с. 76–81.

Bulakhovskii L. A. Review. *News of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language*, 1956, vol. XV, no. 1, pp. 76–81. (In Russ.)

Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. Москва: Русские словари, 2004, с. 183–232.

Gippius A. A. On pragmatics and communicative organization of birchbark letters. *Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Novgorod letters on birch bark (from excavations 1997–2000)*. Moscow: Russkie slovari, 2004, pp. 183–232. (In Russ.)

Горбунова Е. Т. *Языковые средства выражения авторской модальности в древненовгородских письмах на бересте: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Тольятти: [б. и.], 2012. 26 с.

Gorbunova E. T. *Linguistic means of expressing author's modality in ancient Novgorod letters on birchbark: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. Tol'iatti, 2012. 26 p. (In Russ.)

Жуковская Л. П. *Новгородские берестяные грамоты*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1959. 126 с.

Zhukovskaia L. P. *Novgorod birchbark documents*. Moscow: Gosudarstvennoe учебно-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1959. 126 p. (In Russ.)

Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки русской культуры, 1995. 720 с.

Zalizniak A. A. *Dialect of Ancient Novgorod*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1995. 720 p. (In Russ.)

Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Zalizniak A. A. *Dialect of Ancient Novgorod*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2004. 872 p. (In Russ.)

Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. Москва: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Zalizniak A. A. *Old Russian enclitics*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2008. 280 p. (In Russ.)

Зализняк А. А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте. *Исследования по структуре текста*. Москва: Наука, 1987, с. 147–181.

Zalizniak A. A. Text structure of Old Russian letters on birchbark. *Research on text structure*. Moscow: Nauka, 1987, pp. 147–181. (In Russ.)

Золотова Г. А. *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Наука, 1973. 352 с.

Zolotova G. A. *Essay on the functional syntax of the Russian language*. Moscow: Nauka, 1973. 352 p. (In Russ.)

Кузьмин Ф. Ф. Новгородская берестяная грамота № 9. *Вопросы языкознания*, 1952, № 3, с. 137–140.

Kuz'min F. F. Novgorod birchbark document No. 9. *Topics in the study of language*, 1952, no. 3, pp. 137–140. (In Russ.)

Кукушкин И. П., Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Первая берестяная грамота из Вологды. *Российская археология*, 2018, № 1, с. 164–172.

Kukushkin I. P., Gippius A. A., Zalizniak A. A. The first birchbark document from Vologda. *Russian Archeology*, 2018, no. 1, pp. 164–172. (In Russ.)

Мещерский Н. А. К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот (1962). *Мещерский Н. А. Избранные статьи*. Санкт-Петербург: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995, с. 108–147.

Meshcherskii N. A. Towards the study of the language and style of Novgorod birchbark documents (1962). *Meshchersky N. A. Selected articles*. St Petersburg: Iazykovoï tseñtr filologicheskogo fakul'teta SPbGU, 1995, pp. 108–147. (In Russ.)

Мещерский Н. А. Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка (1958). *Мещерский Н.А. Избранные статьи*. Санкт-Петербург: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995. С. 88–107.

Meshcherskii N. A. Novgorod letters on birchbark as records of the ancient Russian literary language (1958). *Meshchersky N. A. Selected articles*. St Petersburg: Iazykovoï tseñtr filologicheskogo fakul'teta SPbGU, 1995, pp. 88–107. (In Russ.)

Пиотровская Е. К. Еще одно прочтение новгородской берестяной грамоты № 9. *Вспомогательные исторические дисциплины*, 1985, т. XVI, с. 93–98.

Piotrovskaia E. K. Another reading of the Novgorod birchbark document No. 9. *Auxiliary historical disciplines*, 1985, vol. XVI, pp. 93–98. (In Russ.)

Поппэ А. В. О брачном контракте на Руси (на основании грамоты на бересте № 9). *Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения*. Москва: Индрик, 2003, с. 39–44.

Poppe A. V. On the marriage contract in Rus' (based on birchbark document No. 9). *Birchbark documents: 50 years of discovery and study*. Moscow: Indrik, 2003, pp. 39–44. (In Russ.)

Савельев В. С. *Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»: дис. ... д-ра филол. наук*. Москва: [б. и.], 2021. 659 с.

Savel'ev V. S. *Depiction of oral communication in The Tale of Bygone Years: Dr thesis in Philological Sciences*. Moscow, 2021. 659 p. (In Russ.)

Чичагов В. К. Филологические заметки (К выходу в свет первого научного издания новгородских грамот на бересте). *Вопросы языкознания*, 1954, № 3, с. 77–92.

Chichagov V. K. Philological notes (On the publication of the first scientific edition of Novgorod documents on birchbark). *Topics in the study of language*, 1954, no. 3, pp. 77–92. (In Russ.)

Jakobson R. Vestiges of the earliest Russian vernacular. *Word*, 1952, vol. 8, no. 4, pp. 350–355.

Сведения об авторе

Виктор Сергеевич Савельев – доктор филологических наук, профессор; alfertinbox@mail.ru; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (д. 1, Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); **Victor S. Savelyev** – Doctor of Philological Sciences, Professor; alfertinbox@mail.ru; Lomonosov Moscow State University; (1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 24.04.2025.

The article was submitted 12.02.2025; Approved after reviewing 12.03.2025; Accepted for publication 24.04.2025.